

20. TÖLGYESI, Tamás (2009) : *Lexikální germanismy v dnešní češtině. Studie kontaktovělingvistická*. Piliscsaba : Pázmány Péter Catholic University.

Стаття надійшла до редакції 23 лютого 2015 року

УДК 82-312.1

Йиржі Коростенски
(г. Пльзень, Чешская Республика)

КОНЦЕПТ 'КОНТЕЙНЕРА' И ПОНЯТИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА (на материале чешского и русского языков)

Концепт 'контейнер' вважають одним із суперконцептів, що впливають не тільки на мовні рефлексії, а і також на процеси мислення та висновки. У статті вирішуються питання цього концепту російської та чеської мов на порівняльному матеріалі. На основі аналізу можна прийти до висновку, що відхилення в концептуалізаційних стратегіях російської та чеської мов виникають на підґрунті різних впливів, до того ж мовний вплив є одним із багатьох.

Ключові слова: *концепт, концептуалізація, когнітивна лінгвістика, контейнер-ємність, антропоцентризм, стратегія концептуалізації, російська, чеська мови.*

Концепт 'контейнер' считают одним из суперконцептов, влияющих не только на языковые рефлексии, но и также на процессы мышления и умозаключения. В статье решаются вопросы, связанные с антропоцентризмом в прямой связи с разными аспектами концептуализации на материале двух близкородственных языков, русского и чешского. В статье сравнивается понятие данного концепта в русском и чешском языках на сопоставительном материале. На основе анализа можно заключить, что отклонения в концептуализационных стратегиях русского и чешского языков возникают на почве самых разных влияний, причем языковое влияние является одним из многих.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, когнитивная лингвистика, контейнер-емкость, антропоцентризм, стратегия концептуализации, русский, чешский языки.

The 'container' concept is considered to be one of the superconcepts which affect not only utterances, but also the way of thinking and considering.

The paper deals with problems of anthropocentrism in connection with different aspects of conceptualization based on the data of two related languages: Russian and Czech.

The goal of our article is to compare the «container» concept in Russian and Czech based on the material being compared. The analysis of the presented linguistic material results in finding that the differences in conceptualization strategies in Russian and Czech come from miscellaneous reasons in which the effect of the language is just one of them.

Key words: Concept, conceptualization, cognitive linguistics, container-content, anthropocentrism, conceptualization strategies, Russian and Czech languages.

Когнитивная лингвистика принадлежит сегодня к наиболее динамично развивающимся лингвистическим направлениям. К самым перспективным темам исследования в русле когнитивной лингвистики относятся сопоставительные межъязыковые исследования концепта и других понятий когнитивной лингвистики. В первой части нашей статьи сосредоточимся на вопросах концепта и во второй на роли антропоцентризма в процессах концептуализации.

Формирование концепта и процессы концептуализации в условиях разных культурных концептосфер с сопоставительной точки зрения до сих пор исследовано мало, хотя выявление этих закономерностей будет способствовать дальнейшему уточнению ответов на вопросы, связанные с выявлением конкретных языковых реализаций в рамках конкретной языковой картины мира (ЯКМ).

В когнитивном понимании не определяются отдельные категории точно установленными и однородными элементами, дело касается так называемого прототипа психолога Э. Рош [16], в трактовке которой размежевание между

концептами принято считать неострым, неопределенным, причем модель концепта можно очень хорошо представить в виде осцилляции между полярными величинами центра и периферии. Доминантами концепта потом считают «лучшего» прототипического представителя конкретных категорий, или их можно рассматривать как топологический тип в понимании Талми, в котором все объекты принято классифицировать представителями лишь нескольких эталонов, как напр. «поверхности», «емкости», «веревки», «стержни» и т.д.

Концепты, по нашему пониманию, создают основу понятийной системы, что в когнитивном языковом подходе передается с помощью ЯКМ. Но такая модель признается не всеми. В польской социально-психологической традиции способность категоризации приписывается всей системе языковой картины мира, а не отдельным концептам, причем подчеркивается коллективный опыт всех носителей языка и культуры [18, с. 48].

Подобным подходом отличается и современная чешская когнитивная лингвистика, в которой языковая картина мира становится своеобразным «фильтром» не только для мышления, а также для языка и речевой продукции. Процесс концептуализации так проявляется прежде всего в метафорической концептуализации, цепь развития которой направлена от источника к своей цели [17, с. 8–9].

Языковой реализацией концепта в сознании человека считают смысловое наполнение языковых знаков, например, номинативных единиц, как слов или фразеологизмов. Совокупность языковых реализаций таким образом создает основные центры мышления ЯКМ. Концепты, «номинально» тождественные с понятиями и словами, образуют составную часть не только человеческого мышления, но и психики [1, с. 10–11].

В настоящее время в когнитивной лингвистике существует направление, в котором преобладает мнение, что топологических концептов, как «стержней», пространств» или «контейнеров», по сути дела, нет. Их нельзя независимо от языка выделить и описать и они не могут выступать в роли

самостоятельного «регулятора» мыслительных процессов. Анализируя подробно русские существительные, считавшиеся языковым воплощением концепта «контейнер», Е. Рахилина [10] отдает предпочтение сугубо языковому подходу, опуская традиционные прагматические и функциональные аспекты, как напр. Кубрякова [5]. Подходя к исследованию проблемы, Рахилина отобрала языковые конструкции, стандартно употреблявшиеся в сфере концепта «контейнер» и решила определить не только топологическую схему, а тоже его визуальный образ с топологией объекта «контейнера».

Под антропоцентрическим пониманием внешнего мира нами подразумевается подход к толкованию функции и значения языкового выражения с помощью ментальных процессов, которые «скрыты» за их языковыми рефлексиями. Оно, действительно, является источником многочисленных импульсов восприятия. Но в других культурах приоритет зрения не является таким очевидным и превосходство приобретает, например, слух [11, с. 48]. В центре внимания современных психологов и философов остаются процессы перцепции человеческими органами чувств и последующее их осмысление. Выделяют, как правило, пять традиционных органов чувств: зрение, осязание, слух, обоняние, вкус. В нашем культурном пространстве больше всего ценится зрение.

В настоящее время общепринятыми являются следующие постулаты: концепты считают продуктами мышления. Отдельные концепты немного структурированы, отличаясь своей оперативностью. Тем не менее, в случае концепта нельзя говорить об абстрактном конструкте, это конкретная модель, которая обладает довольно четкой системой категоризации и структуризации отдельных понятий. Топологический тип, в нашем понимании, находится на самом конце процесса метафорической концептуализации, в ходе которой первым «проводит» абстракцию и обобщение обыденного физического опыта с предметами конкретных форм и функционального назначения.

Указанные понятия динамически взаимодействуют, одновременно подчиняясь другим факторам, среди которых

значительное место занимает одна из основ человеческого мышления – антропоцентризм.

Органы чувств считаются когнитивной лингвистикой одной из сфер зарождения трансформационных процессов концептуальной метафоризации. Результатом являются типологически разные метафоры. Некоторые из них уже описывались в литературе, как напр. [7], [4], [13], [2].

В цепи языковых и понятийных взаимосвязей создаются типологически разные метафоры, в рамках которых важное место занимают метафоры типа, контейнер-емкость'.

Целью нашей статьи является анализ указанных процессов в русском и чешском языках с учетом сущности концептуальной метафоры названной схемы.

Концепт понимается по-разному, в научной литературе можно встретить много разных определений. Для Е.С. Кубряковой (1999) концепт представляет не только «сгустки человеческой памяти и ментального лексикона», а тоже результат «языка мышления» и основу всей концептуальной системы. Существенной его чертой является оперативность. Концепт всегда заново «активизируется» для каждой новой ситуации. С одной стороны изменяется, с другой обеспечивает языковую и культурно-историческую преемственность.

У учетом сказанного можно с определенной натяжкой утверждать, что вся концептуальная система является мощным рычагом ускорения процессов выделения дискретных единиц из непрерывной массы понятий, «протекающих» нашей системой мышления. Предполагается, что в дифференцированном понимании концепта «контейнер» выделяется «ядро» и «периферия». Ядром концепта считаем такое понятие или совокупность понятий, предоставляющих определенную возможность типологической абстракции, развивающейся цепью, под мнимый конец которой конкретное явление распространяет свое «осмысление» и на другие, связь которых с первоначальным человеческим опытом лишь косвенна. В прототипическое ядро концепта поэтому включены емкости, наделенные свойствами реальных сосудов, которые

нам известны из повседневной жизни. Речь идет о реальном отграничении в виде *дна, стен* или *крышки*. Они служат для хранения не только самых разных жидкостей, но и других сыпучих веществ или газов. Их перечень можно представить следующим списком: *oceán – океан, moře – море, jezero – озеро, rybník – пруд, řeka – река, přehrada – плотина, potok – ручей, jáma – яма, příkop – канава, propast – пропасть, tůň – омут*, продолжая искусственными емкостями, как напр. *vanu – ванны, sudy – бочки, bazény – бассейны*, кончая кухонной посудой, как напр. *jako hrnce a hrnečky – кастрюли, горшки, кружки, vázu – вазы, láhve – бутылки, talíře – тарелки, sklenice – стаканы, velké sklenice a plechovky – банки, misky – миски* и т.д.

Прототипические емкости наделены фиксированной канонической ориентацией вертикально-горизонтальной и вместе с другими характеристиками, как напр. норма, составляют совокупность прототипических черт, отличающих их от других объектов, которые также подвергаются концептуализации типа 'контейнер-емкость', тем не менее, обладают из указанных только некоторыми. На основе этого устанавливается их общее положение в системе концептуализации типа 'контейнер-емкость'.

Как уже было сказано выше, прототипические контейнеры обладают своими характеристиками, которые их приурочивают к центральным 'емкостям'. Напр. каноническая ориентация [14, с. 296], как составная часть системы концептуализации, регистрирует отклонения от вертикально-горизонтальной ориентации и фокусируется в соответствующем языковом выражении. Чаще всего приводят классический пример со снятой *шляпой*, 'доньшком вниз', получает значение классической емкости и ее определяют как *глубокая*, в обратном случае она 'доньшком вверх' и тогда обозначаем ее как *высокая* [3, с. 58]. Емкости являются не только надежной опорой для установления положения объектов, находящихся внутри, но могут характеризовать также их объем и положение наблюдателя: *hluboká – глубокая mělká – мелкая река; v řece – в реке; za řekou – за рекой; řeka se vylila z břehů – река вышла из берегов; pokryla se ledem – покрылась льдом; jezero je*

široké – озеро широкое, *úzké* – узкое; *plocha* – площадь; *dno jezera* – дно озера; *mořská hladina* – гладь моря; *pohled na moře* – вид на море; *hloubka moře* – глубина моря; *délka moře* – длина; *šířka moře* – ширина моря и т. п. Прототипическая ‘емкость’ допускает вариативность своих размеров до тех пор, когда они «заранее» не заданы ЯКМ. В таком случае можно даже говорить о «нормативной» емкости, в которой нельзя произвольным образом менять ни внешнюю, ни внутреннюю структуру, хотя нормативные ограничения могут распространяться только на часть этих размеров. Напр. в словах *лужа* и *болото*, которые концептуализируются как ‘емкость’ (*Он упал в лужу; человек утонул в болоте*) глубина как размер не выделяется. Считаем, что именно постепенная «утрата» характеристик размера является первой предпосылкой для возникновения метафоризации в концептосфере ‘контейнера-емкости’.

Похожей позицией в языковой картине мира обладают и другие понятия, визуально и функционально не имеющие твердо установленную границу. Сюда можно включить понятия типа *vír/водоворот, proud/течение, tíň/омут* apod. По типу туда войдут и объекты с точно установленными границами, тем не менее их позиция в структуре концепта ‘контейнера-емкости’ ставит их в равное положение с примерами предыдущего типа.

Следует отметить, что в концептуализационную сферу ‘контейнера-емкости’ в обоих языках входят также разные объекты и их понятия, не составляющие ядро данного концепта. Характеризуя эти объекты с топологической точки зрения, можно употреблять обозначения ‘плоскости’ или ‘пространства’, как напр.: *na hřišti* – на спортивной площадке; *na mýtině* – на поляне; *na stole stojí váza* – на столе стоит ваза; *jít do ringu* – выйти на ринг; *v aréně bojují gladiátoři* – на арене сражаются гладиаторы; *na ulici* – на улице; *na louce sekali trávu* – на лугу косили траву; *rolníci šli na pole a pracují na poli* – крестьяне вышли в поле и работают в поле. В данных конструкциях важно, каков статус исследуемого объекта в ЯКМ данного языка. В случае русских понятий *поле*, *луг*, хотя и формально совпадают с чешскими понятиями, оба

поняття розвивались по-разному. *Луг* и *поле* могут занимать с точки зрения современной русской ЯКМ относительно обширные пространства и можно их визуально даже не пересмотреть. Но не надо забывать о том, что характеристики культурной местности в течение последнего столетия существенно изменились и первоначально луг представлял собой небольшой участок, который можно было визуально пересмотреть. Похожий процесс можно отметить в понятии 'поле'. Поэтому для русского языка типичны обе языковые рефлексии. В чешском языке процесс изменения структуры языковой картины не осуществлялся в таких масштабах, поэтому преобладают другие языковые реализации.

Широкий спектр визуальной перцепции представлен с точки зрения языковой формы в обоих языках не только на уровне лексем и словосочетаний, но и во фразеологии и тексте.

Языковая обработка и реализация продукции органов чувств относительно точно отражает понятийную тематизацию и ее реализацию в языковой картине мира, причем одним из стержней построения языкового образа является понимание движения как динамического или статического процесса.

Визуальная перцепция обладает большим числом источников и целевых областей метафорической трансформации, в которые последняя направлена, напр. «познание», «знание», «качество», «количество» и т. п. Тем не менее, можно с известной долей обобщения утверждать, что любой целевой области метафорической концептуализации, в которую ее процесс устремлен своей прагматической направленностью, соответствует определенный вид концептуализации, которая в зависимости от типа органа чувств и языка отличается. На основе анализа материала обоих языков, т. е. русского и чешского, можно установить, что важнейшей схемой для обработки результатов перцепции является концепт 'контейнер-емкость'. Уточняющее понимание процесса метафоризации в виде концептуальных схем представлено именно М. Джонсоном [12, с. 28–50].

Концептуальная схема 'контейнер-емкость', базирующаяся на органе зрения и процессах визуальной перцепции, в

качестве источника концептуальной метафоры в литературе уже неоднократно описывалась. В польском языке занимается этими вопросами А. Пайджинская [15], в чешском проблематикой занимался авторский коллектив И. Ваньковой [18]. Согласно их положениям является весь комплекс визуального восприятия в чешской языковой картине мира вместе физическими органами, опосредствующими процессы перцепции, особенно важным для последующего языкового оформления и выражения результатов процессов указанной перцепции. Так один источник сложных процессов метафорической концептуализации получает разные направления и соответственно сферы результаты своего развития. Самыми важными являются «источник познания», «ментальная деятельность», «нравственность», «эмоции», «обстоятельства визуального восприятия». Следующими необходимыми составляющими визуального восприятия являются: 1) глаза как орган зрения, 2) свет как условие для осуществления процесса визуального восприятия, 3) механические препятствия в реализации видения, 4) механические приспособления для видения, 5) непосредственный акт видения [18, с. 109]. Мы добавляем сегмент соразмерного расстояния наблюдаемого объекта. В нашей статье обратим внимание лишь на первом источнике.

Орган зрения как источник концептуальной метафоры

Наблюдая за органом зрения и такими его составными частями, как *глазное яблоко, зрачок и т.п.*, последние издавна являлись центральным «каналом» коммуникации при познании не только окружающего мира, а также обратного пути в «душу» человека, причем лицо уже в средние века люди считали «глазом» в нее. В целевой области этого источника могут выражаться частичные коннотации с экспрессивной окрашенностью, как напр. 'несовпадение между желанием и действительностью', как напр.: *velké oči – большие глаза*, или 'сложность человеческой души', ср.: *hluboké oči; ...v jeho tváři se zračil údiv...* . Тем не менее, коннотативных оттенков встречается больше, как напр. 'наивность', 'красота', 'страх' и другие.

Глаза и другие составные части этого органа принимают регулярно и относительно часто участие в процессах концептуализации типа ‘контейнер-емкость’: *Загляните поглубже в глаза Волошину; без единой искры в глазах; в ее глазах чувствовалось презрение, ненависть образно говоря; если из-за нашего закона упадет хоть одна слеза из глаз; когда очухался, голова гудела, а в глазах плавали красные пятна – podívejte se hlouběji Vološinovi do očí; bez jediné jiskry v oku; z jejich očí bylo cítit opovržení, nenávist...; pokud kvůli našemu zákonu skane (z oka) alespoň jedna slza...; když přišel k sobě, v hlavě mu hučelo a před očima se mu míhaly rudé skvrny.* Очевидны тесные корреляции между обоими языками, хотя полного тождества нет и быть не может. О древности функционирования органов зрения в чешском языке свидетельствует фразеологический материал чешского языка, отобранный Л. Степановой [16, с. 68]: *mít oči Argusovy, mít oči jako Argus, mít argusovský zrak* – ‘человек с отличным зрением’; *slídit po kom jako Argus, střežit koho Argusovýmá očima, hlídat Argusovýmá očima koho* – ‘строгий постовой’; *dívat se kolem Argusovýmá očima* – ‘недоверчивый человек’; *oči vytkati komu* – ‘упрекать кого в чем’; *pro něčí krásné oči – radi чьих-л. прекрасных глаз; око за око – oko za oko; беречь как зеницу ока (как глаз во лбу) – chránit jako oko v hlavě, střežit jako zřítelnici oka koho* (‘высоко ценить’). Материал служит не только доказательством этимологических совпадений и расхождений, а также документирует тенденции развития, согласно которым именно русский язык сохранил в своей фразеологии более компактную систему названий частей тела и его органов для целевых областей значений ‘качество отношений’ и ‘процессы познания’. В русском языке эти тенденции и состояние подтверждает В. Мокиенко [8, с. 76–80]: *заочное обучение – dálkové studium; зенки налить; зеночки скатились; недреманное око.* Со словом *око* связан и сохранился ряд выражений, свидетельствующих о динамике пространственного понимания этого органа в современном русском языке, как напр. *учиться заочно – studovat dálkově; очная ставка – konfrontace (,vizuální identifikace’); воочию –*

na vlastní oči (,vše je dobře vidět'). Как уже было сказано, в языковой концептуализации выступают некоторые составные части глаза: *zornice* – *зеницы*, *зенки*. Эти и другие составные части человеческого глаза включаются в указанную схему концептуализации, тем не менее, в большинстве случаев уже не как составная часть целого, а скорее всего как объект емкости, т.е. не объект, обладающий способностью что-то 'включать' или 'поглощать' и т. п. Ср. напр. в русском языке: *беречь как зеницу ока* – *chránit jako oko v hlavě* (,vysoce cenit'), ...название связано с тем, что людям удалось *краешком глаза* заглянуть в свое будущее. – ...*název souvisí s tím, že se lidem koutkem očí podařilo pohlédnout do své budoucnosti...* ('качество'); *Одним глазом* – 0; *темно, хоть глаз выколи* ('качество перцепции') – *tma jako v pytli*; *не знать с какими глазами появиться* – *nevědět, co s rukama*; *смотреть другими глазами* – *být jako vutěpěný*; *с открытыми (закрытыми) глазами* – (*dělat*) *něco s rozmyslem (bez rozmyslu)*; *бросать в глаза* – *říkat přímo/bez obalu*; *смотреть во все глаза* – *dívat se velmi pozorně*; *глаза в глаза* – *na dotek ruky*; *плевать в глаза кому* – *plivat do obličejě komu*; *пускать пыль в глаза* – *'mlžít'*; *смотреть в глаза* – *'podlézat komu'*, *'mít pro strach uděláno'*; *смотреть в глаза правде* – (*po*)*dívat se pravdě do očí* (,трезво оценивать ситуацию'); *тыкать в глаза кому* – *stále vyčítat co komu*; *в глаза не видеть* – *nevidět si do pusy*; *в глазах (на глазах) чьих, у кого* – *mít neustále před očima*, *в глазах темнеет у кого* (,признак недомогания') – *zatemělo se mu před očima*; *нет стыда в глазах у кого* – *nemá špetku svědomí / studu*; *свет померк в глазах чьих* – *vše se zprotivilo komu*; *стоять в глазах у кого* – *neustále se připomínat (vizuálně) někomu*; *как бельмо в глазу* – *jako červený hadr na býka*; *ни в одном глазу* – *ani za mák*; *одна радость в глазу* – *jediné potěšení*, *силь порошок в глазу* – *tuň rap Božský*; *вырастать в глазах кого, чьих* – *růst v něčích očích*; *за глазами* – *za zády*; *куда глаза глядят* – *kat oči povedou* [9, с. 102–107]. Из указанных примеров следует, что концептуализация чешских параллелей осуществляется или на основе совсем другого источника, находящегося вне области восприятия ощущений, как напр. *силь порошок в глазу* –

můj pan Božský, или входят в другую область восприятия ощущений, см. напр.: *о́зла в о́зла – na dotek ruky*. С областью восприятия ощущений могут связываться только вторичными отношениями, как напр.: *за о́злами – za zády; хоть о́зла выколи – tma jako v pytli*. В довольно представительном корпусе выявляется в русской языковой среде относительное доминирование зрительных органов и с ними связанных действий как источника для оформления определенных групп значений, к которым относится, например, качество процесса 'познания', 'человеческие отношения' по сравнению с чешской культурно-языковой средой, в понятийной системе которой можно предполагать более низкую роль зрительных органов в указанных процессах и, соответственно менее частотный уровень перечисленных выше языковых рефлексий.

Результаты многих исследований по когнитивной лингвистике свидетельствуют о большой роли антропоцентрического подхода к пониманию мира человеком, его влиянии на формирование концептуальной системы языков. Языковые рефлексии в области органов восприятия и ощущения в русской и чешской среде зачастую приобретают вид метафоры на основе концепта 'контейнер-емкость'. Между русским и чешским языком наблюдаются следующие различия:

1) В русском языке в области зрительной перцепции намного чаще встречаются идиомы, характер которых связан именно с глазом как органом зрительного восприятия, причем налицо концептуализация типа 'контейнер-емкость'.

2) Самое большое количество проявлений концептуализаций вышеуказанного типа наблюдается в понятийных сферах 'качество отношений' и 'процессы познания'. Русские языковые рефлексии в целевой области очень часто концептуализируются как 'контейнер-емкость' с источником на базе органов зрения. Чешские рефлексии в данной понятийной сфере относятся, как правило, к другим источникам, чаще всего к другим органам чувств или источникам, связанным с эмоционально-оценочной базой.

3) Как уже было сказано выше, на уровне нефразеологизированных выражений в обоих языках

визуальная концептуализация в области концепта ‚контейнер-емкость‘ тесно связана с понятием динамичности и статичности указанных процессов, т.е. даже на уровне динамики оба языка, русский и чешский, отличаются друг от друга.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Синергетика культурного концепта в системе языка / Н.Ф. Алефиренко // Культурные концепты в языке и тексте : сборник научных трудов. – Белгород : Белгородский государственный университет, 2007, – Выпуск 2. – С. 10–11.

2. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Алефиренко Н.Ф. – Волгоград, 2006. – 227 с.

3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Апресян Ю.Д. – М. : Наука, 1974 – 366 с.

4. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // ВЯ. – 2003. – № 2. – С. 73–94.

5. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) // Известия АН, серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–12.

6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – XXIII. – С. 12–51.

7. Маккормак Э.Р. Когнитивная теория метафоры / Э.Р. Маккормак // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358–386.

8. Мокиенко В.М. Образы русской речи / В.М. Мокиенко. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 280 с.

9. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков – М. : Издательство Сов. энциклопедии, 1968. – 543 с.

10. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Е.В. Рахилина – М. : Азбуковник, 2010. – 584 с.

11. Arendtová H. Řeč a metafora. Metafora a nevysvětlitelné. In : Myšlení o divadle II. – Praha, 1993. – С. 47–78.
12. Johnson M. The body in the mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago, London, 1987. – 233 с.
13. Lakoff G., Johnson M. Metafory, kterými žijeme / G. Lakoff, M. Johnson. – Brno : HOST, 2002. – 282 с.
14. Lang E. Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte. In : Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, Studia grammatica XXVI + XXVII / E. Lang. –Berlin : Akademie Verlag, 1987. – С. 287–516.
15. Pajdziňská a. Kategorie strukturující jazykový obraz světa : antropocentrismus a opozice «vlastní» – «cizí». In : Čítanka textů z kognitivní lingvistiky II / a. Pajdziňská. – Praha, 2007. – С. 27–44.
16. Rosch E. Human Categorization. In : Warren, N. (ed.) : Studies in Cross-Cultural Psychology / Rosch E. – New York, London : Academic Press. – 1977. – Vol. 1. – С. 1–49.
17. Stěpanova L. Česká a ruská frazeologie / L. Stěpanova. – Diachronní aspekty. Olomouc, 2004. – 297 с.
18. Vaňková I. Řeč, která mluví (řeč-language jako východisko kognitivnělingvistického zkoumání a konceptualizace řeči v českém jazykovém obrazu světa). In : Obraz světa v jazyce II / Vaňková I. – Praha : Univerzita Karlova, Ústav českého jazyka a teorie komunikace, 2007. – С. 8–9.
19. Vaňková I. et al. Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky / Vaňková I. – Praha, 2005. – 343 с.

Стаття надійшла до редакції 25 лютого 2015 року